

УДК 316.34:330.34(100) «197»

Анисимова Л.Ю. – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики социальной работы, Юридический институт, Сибирский федеральный университет,

Адрес: 660075 г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, Российская Федерация

Телефон: 8 (391) 206-23-61

e-mail: severyanova@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КАК КАТАЛИЗАТОРЫ УСИЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ РАЗВИТЫМИ И
РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ В 1960-1970-е ГОДЫ

Аннотация. В данной работе рассматривается влияние социальных факторов на углубление экономического разрыва между странами «первого» и «третьего мира» в 1960-1970-е гг. Особое внимание уделяется взаимосвязи между политикой планирования семьи в развивающихся странах и их экономической стагнацией на фоне постиндустриального перехода Запада. Цель работы – выявить корреляцию между социальными индикаторами (уровень грамотности, доступ к медицине, рождаемость) и усилением экономического неравенства в глобальном масштабе в указанный период. Социальные процессы предопределили стремительное расхождение траекторий развития богатых и бедных стран. Демографический взрыв, урбанизация, безработица, элитизм, образование, здравоохранение в совокупности создали кризисную ситуацию. Делается вывод о том, что социальные диспропорции 1960-1970-х гг. сформировали «ловушку отсталости», последствия которой преодолеваются до сих пор. Вопрос, поставленный в 1970-е гг., не становятся ли модели смешанной экономики, экономического планирования и государства всеобщего благосостояния, основанные на демократии, все более актуальными в

глобальном масштабе по мере того, как мир движется к большей взаимосвязи, сохраняет свою остроту и сегодня.

Ключевые слова: экономическое неравенство, человеческий капитал, образование, здравоохранение, демографический переход, планирование семьи, глобальный разрыв

SOCIAL FACTORS AS CATALYSTS OF WIDENING ECONOMIC
INEQUALITY BETWEEN DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES IN
THE 1960s–1970s

Anisimova L.Yu. Candidate of Philosophy, Associate Professor of the
Department of Theory and Methods of Social Work, Law Institute, Siberian Federal
University,

Address: 660075, Krasnoyarsk, Maerchaka Street, 6, Russian Federation

Phone number: 8 (391) 206-23-61

e-mail: severyanova@mail.ru

Abstract: This paper examines the influence of social factors on the deepening economic gap between First and Third World countries from the 1960s to the 1970s. Particular attention is paid to the relationship between family planning policies in developing countries and their economic stagnation against the backdrop of the West's post-industrial transition. The purpose is to find a correlation between social indicators (literacy rates, access to healthcare, and fertility) and the increase in global economic inequality during this period. Social processes predetermined the rapid divergence of development trajectories between rich and poor countries. The population explosion, urbanization, unemployment, elitism, education, and healthcare have combined to create a crisis. It is concluded that the social disparities of the 1960s–1970s created a «backwardness trap», the consequences of which are still being overcome. The question posed in the 1970s—whether mixed economy models, economic planning, and welfare states based on democracy are becoming increasingly relevant globally as the world moves toward greater interconnectedness—remains relevant today.

Keywords: economic inequality, human capital, education, health care, demographic transition, family planning, global gap.

Введение. Эпоха деколонизации 1960-х гг. сменилась пониманием того, что политическая независимость бывших колоний не привела к экономическому процветанию. Разрыв в уровнях дохода, индустриализации и качестве жизни между странами Западной Европы, Северной Америки («Север») и странами Азии, Африки и Латинской Америки («Юг») продолжал углубляться. Антиколониальные движения 1960-х гг. создали тот интеллектуальный климат, в котором зависимость перестала восприниматься как временная трудность, а стала видеться как перманентное состояние, воспроизводимое самим механизмом международного разделения труда. Страны «Юга», будучи формально независимыми, оставались в структурной ловушке, поставляя сырье и дешевую рабочую силу. В академической среде это привело к кризису «модернизационной парадигмы», которая предполагала, что развивающиеся страны повторят траекторию Запада. Им на смену пришли радикальные теории, объяснявшие отсталость не отсутствием «капиталов» или «предприимчивости», а структурной ролью этих стран в глобальной капиталистической системе.

1960–1970-е гг. – период быстрого экономического роста, последовавший за Второй мировой войной. К 1972 г. из 3,8 миллиарда населения мира один миллиард проживал в развитых странах, а к 1975 г. уже 4 миллиарда – в развивающихся [6]. Этот демографический сдвиг имел критическое значение: поскольку рост населения является экспоненциальным, разрыв между развитыми и развивающимися странами неуклонно увеличивался. Показатели ВВП на душу населения дают приблизительное представление о масштабах пропасти. В 1975 г. ВВП на душу населения во многих развитых странах превышал 2000 долларов, тогда как большинство стран «Юга» демонстрировали более низкие показатели. Для Китая и Индии, с общим населением в 1,4 миллиарда человек, этот показатель составлял 210 и 120 долларов соответственно [10].

Уровень жизни населения зависел, прежде всего, от снабжения продовольствием и питания, что делало проблему неравенства не абстрактно-экономической, а экзистенциальной. Пришло осознание того, что ресурсов продовольствия, минералов и энергии может не хватить для поддержания мирового населения, которое при темпах роста в 1970-х гг. удвоится к 2000 г. при уровне жизни, установленном экспоненциальным ростом богатых стран. Поэтому возникло стремление сократить разрыв между развитыми и развивающимися странами путем контроля или стабилизации общего мирового экономического роста за счет масштабного распределения ресурсов.

Исторические истоки дивергенции: индустриальное общество и отказ от *laissez-faire*

Индустриальное общество, основанное на принципах гуманизма и развитии науки и техники, кардинально трансформировало социальную структуру Запада. В Западной Европе и Северной Америке первый решающий этап промышленного развития произошел в XIX веке, когда господствовала экономическая философия невмешательства государства (*laissez-faire*). Результатом промышленной революции стала нестабильность экономической системы невмешательства государства, череда частых подъемов и спадов, приводящая к периодам безработицы. Новый этап хронической безработицы и инфляции, начавшийся в 1968 г., стал симптомом неспособности развитых стран проводить свою экономическую и социальную политику в соответствие с технологическим развитием. Однако к 1970-м гг. эта философия исчерпала себя. Реакцией на нее стали концепции позитивной политики: социализм, экономическое планирование и государство всеобщего благосостояния. Социализм развился в национальную государственную собственность, или «государственный капитализм». В начале 1970-х гг. США была единственной страной, которая только начала развивать смешанную экономику и долгосрочное планирование. Общее принятие идей управления – как в США, так и в Западной Европе – вместе с долгосрочным индикативным планированием означало конец философии невмешательства государства.

Становится общепринятым, что национальные государства должны целенаправленно направлять свою экономику к росту и высокому уровню занятости. Этот поворот имел прямое отношение к дискурсу о глобальном неравенстве: если богатые страны переходят к управляемой экономике, то не являются ли такие модели, основанные на демократии, все более актуальными для мирового сообщества в целом? Этот вопрос активно дебатировался в академической среде. Социализм и планирование были дополнены развитием «государства всеобщего благосостояния» как средства реализации социальных прав человека. Перед странами «Юга» открывалась возможность модернизироваться, приняв те черты моделей, которые являются одновременно конструктивными и актуальными для их собственных нужд, отвергая при этом негативные явления – загрязнение окружающей среды, неконтролируемую урбанизацию и т.п. Большинство бедных стран стремились к развитию на основе смешанной экономики и экономического планирования. Лишь немногим странам, среди которых выделялась Индия, удалось сочетать эту политику с политической демократией. Единственная страна, которой удалось создать государство всеобщего благосостояния – Китай – сделала это на основе полного социализма и полного отказа от политической демократии западного типа.

Образование как способ сокращения неравенства

В 1960–1970-е гг. образование считалось ключевым компонентом в преодолении бедности и сокращении неравенства. Уровень неграмотности среди взрослого населения в мире снизился всего на 4 %, но из-за демографического взрыва общее число неграмотных увеличилось на 70 млн. [9]. К середине 1960-х гг. пришло осознание опасности экономического развития на неустойчивом фундаменте неграмотности среди населения. Государства инвестировали в научно-исследовательские разработки, готовясь к технологической революции. В противоположность этому, эксперты заговорили о «кризисе образования» в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки. Государства тратили значительную часть ВВП на образование, столкнулись со снижением его качества, дефицитом кадров и низкими зарплатами учителей. В развивающихся

странах бюджеты на образование росли вдвое быстрее, чем их национальные доходы.

Страны «Юга» уделяли первостепенное внимание количественному расширению образования, направленного на ускоренное создание человеческого капитала. Большинство африканских стран сосредоточились на расширении начального образования. Например, в Танзании оно развивалось как самоцель, а не как подготовка к среднему образованию. В 1967-1968 гг. охват начальным образованием составил 70 % возрастных групп в Латинской Америке, 55 % в Азии (за исключением Китая) и 40 % в Африке [9]. Политика приоритетного начального образования привела к дефициту выпускников средних школ, сформировала «эффект переполненного класса» [7]. В таких условиях невозможно было применять новые педагогические методики (например, проблемное обучение, которое тогда набирало популярность на Западе). Во франкоязычных странах Африки учителя имели только начальное образование, и дети бедноты получали услуги от таких же представителей бедноты, не имея шанса вырваться из круга. В Латинской Америке назначение учителей священником или мэром превращало школу в инструмент сохранения статус-кво. Это прямо противоречило модернизаторской функции образования. Вместо развития критического мышления, школа консервировала феодальные или авторитарные порядки. Страны Латинской Америки, Азии и Ближнего Востока уделяли больше внимания расширению среднего и высшего образования. Общее количество учащихся на всех уровнях образования увеличилось более чем вдвое с середины 1950-х гг. [7]. В 1967-1968 гг. охват средним образованием составил 35% возрастных групп в Латинской Америке, 30 % в Азии (за исключением Китая) и 15 % в Африке [9]. Для многих развивающихся стран низкое качество среднего образования было типичной ситуацией. Выгоды от расширения образования в развивающихся странах получили в первую очередь городские и обеспеченные слои населения. Сельские жители и беднота по-прежнему имели ограниченный доступ к качественному образованию, что усиливало региональные и социальные диспропорции.

К 1968 г. экономическая политика развивающихся стран требовала создания резерва технически квалифицированной рабочей силы. Техническое и профессиональное образование значительно расширилось, но большая часть предоставляемой подготовки носила чрезмерно академический характер [7]. К середине 1970-х гг. стало ясно, что простое расширение системы образования без ее качественного изменения не решает проблем, а создает новые: дисбаланс рынка труда; «образовательная инфляция» и безработица; усугубление неравенства; кризис финансирования. Подготовка специалистов не соответствовала реальным потребностям экономики. Обострился дефицит технических и рабочих профессий на фоне перепроизводства выпускников с гуманитарным образованием.

Качество и содержание

Системы образования, унаследованные от колониальных администраций (например, во Французской Западной Африке или Британской Индии), имели формальные академические учебные программы и не были ориентированы на подготовку инженеров [9].

Одной из проблем являлась лингвистическая и культурная изоляция (постколониальный синдром). Отсутствие национальных кадров, учебников на местных языках (африканских, индийских диалектах) вело к отчуждению традиционной культуры. Обучение происходило путем повторения и заучивания наизусть материала на языке, на котором они не говорили дома (французский, английский, португальский). Ученики не могли применять знания в реальной жизни в своей общине, что снижало мотивацию к учебе и вело к массовым отсевам. Исследование ЮНЕСКО 1969 г. показало, что уровень отсева из начальной школы составлял 59 % в Индии, Аргентине и Ливии; 60 % в Бразилии и Мексике и 80 % в некоторых африканских государствах [9].

Колониальные державы в Африке не обеспечивали условий для получения высшего образования. В Азии, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке традиционные и западные институты в основном были ориентированы на детей

уже грамотной элиты. К середине XX века приход европейского образования не сократил количественно разрыв между грамотным и неграмотным населением, что ограничивало рынок труда квалифицированными кадрами. Около 80-85 % африканцев, арабов, китайцев и индийцев, а также 42 % латиноамериканцев были неграмотны [9].

Причина сохранения западных моделей образования после обретения независимости заключалась в том, что человек, получивший образование западного типа, мог претендовать на равенство и статус в западном мире.

К 1970-м гг. в развитых странах завершилось всеобщее среднее образование, проводилось дальнейшее развитие государственного образования с упором на высшее образование, облегчалась социальная мобильность, а квалификация рабочей силы повышалась в соответствии с требованиями современного общества.

В 1970-е гг. резко усилилась миграция образованной элиты из развивающихся стран в США и Европу. Образовательная политика, ориентированная на западные модели и подготовку элитных кадров для «современного сектора», привела к несоответствию структуры подготовки кадров реальным потребностям экономики развивающихся стран. Это, в свою очередь, закрепило их зависимое положение в мировой экономике и технологическое отставание от развитых государств.

ЮНЕСКО и международные организации разрабатывали способы повышения эффективности систем образования в развивающихся странах. Помощи международных доноров было недостаточно. Образование признано ключевым фактором экономического развития, влияющего на долгосрочные результаты, такие как улучшение здоровья и демографической ситуации.

Здоровье и эпидемиологический переход

Важные аспекты развития стран – функциональное образование, технологии и услуги здравоохранения. 1970-е гг. ознаменовались значительными достижениями медицинской науки в глобальном масштабе (ликвидация оспы, малярии, распространение антибиотиков). Эти меры

способствовали разрыву порочного круга бедности и болезней, что привело к значительным экономическим выгодам: увеличению производства, трудоспособности населения. Однако эффект от этих достижений был диаметрально противоположным для разных групп стран. Так, средняя продолжительность жизни в развивающихся странах значительно возросла с 35 лет в 1950 г. до 47 лет в 1970 г. [3], а средний показатель для богатых стран составлял около 70 лет [1].

В то время как Запад тратил средства на развитие высокотехнологичной медицины (кардиохирургия, онкология), бедные страны были вынуждены направлять скудные ресурсы на борьбу с инфекционными заболеваниями и поддержание минимальных санитарных норм, что не способствовало накоплению капитала.

Некоторые причины сохранения проблем в организации медицинской помощи в развивающихся странах в 1970-е гг.:

1. система здравоохранения в развивающихся странах была структурирована в основном по западной модели;
2. количественное отношение предоставления медицинских услуг оставалось непропорциональным: в США на каждые 650 человек приходился один врач, а в Великобритании – один на каждые 860, в Индии – один на каждые 4380 человек, в Индонезии – один на каждые 27560 [9];
3. специализированные организации занимались лечением болезней, а не их профилактикой; и они не были должным образом интегрированы в общественную жизнь масс;
4. усиливающаяся тенденция к урбанизации, увеличение числа людей с ограниченными возможностями снижало «потенциал развития» общества.

Хронические проблемы со здоровьем в бедных странах, а также распространенность заболеваний, вызванных дефицитом питательных веществ, и эпидемий, являлись проблемами, которые могли быть эффективно решены только в контексте экологического и общественного развития.

Демография как ключевой фактор планирования

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. международное сообщество пришло к осознанию глобального демографического кризиса. Прогнозы ООН и Всемирного банка того времени предполагали, что к 2000 г. население Земли достигнет 6–7,1 миллиардов, а в перспективе до 2120 г. могло стабилизироваться на уровне 15 миллиардов [9]. Эксперты опасались, что такие показатели приведут к нехватке продовольствия и катастрофическому нарушению экологического баланса. В связи с этим начался «грандиозный эксперимент» по контролю рождаемости. Контроль над численностью населения стал рассматриваться как решающее условие будущего прогресса, как для развитых, так и для развивающихся стран.

Стало очевидно, что простой рост Валового национального продукта (ВНП) недостаточен для улучшения жизни людей. Это понимание заставило увязать цели экономического развития с демографической политикой. Прогнозы строились на том, что снижение рождаемости будет обеспечено в основном за счет контрацепции, а не только роста благосостояния. Попытки внедрить контрацепцию часто наталкивались на религиозные и традиционные устои, что снижало эффективность программ. Наибольший успех в области контроля рождаемости среди развитых стран принадлежит Японии. Правительственные меры (легализация аборта 1948 г., общенациональная просветительская работа по вопросам контроля над рождаемостью и предоставление бесплатных контрацептивов 1952 г.) [2] снизили темпы роста населения до 1 % в 1960 г., заложили основу для экономического чуда Японии, благодаря которому к началу 1970-х гг. она стала третьей индустриальной державой в мире.

В развивающихся странах система здравоохранения и социального обеспечения, необходимая для применения методов контроля, как правило, находилась на примитивном уровне. Попытки регулирования рождаемости (например, в некоторых регионах Латинской Америки) не дали быстрого экономического результата и часто носили спорный характер.

С 1966 г. Международные организации (ООН, Всемирный банк, ПРООН) и правительства развитых стран начали активно продвигать программы

планирования семьи, предоставляя кредиты и помощь странам «третьего мира». Индия – пример страны, которая прилагала огромные усилия для контроля над численностью населения. Государственные службы планирования семьи были введены в 1951 г., и по программе принудительной стерилизации к 1972 г. 13 % из 98 млн. супружеских пар детородного возраста были стерилизованы. Эти усилия позволили снизить темпы роста населения до 2,5 % в 1972 г. [4].

В 1970-е гг. Китай являлся единственной страной, которой удалось значительно снизить рождаемость с 5,81 в 1970 г. до 2,75 в 1979 г. [8]. Это достижение произошло в контексте запуска динамичной экономики.

К 1971 г. 35 стран (более 70% населения развивающегося мира) официально приняли политику планирования населения. Это свидетельствовало о признании того факта, что демографический переход являлся необходимым условием для преодоления отсталости. Эта политика получила дополнительный импульс, когда ООН подвела неутешительные итоги Первого десятилетия развития (1961-1970 гг.): экономический рост «съедался» демографическим приростом. Планирование семьи осуществлялось так же, как и планирование национальной экономики, и для его реализации разработаны эффективные методы контроля рождаемости. Цели Второго десятилетия развития были связаны с прогнозами численности населения. Развитые страны начали снижать рождаемость после достижения высокого уровня жизни. Развивающиеся страны при поддержке международного сообщества приступили к решению иной задачи: убедить население использовать планирование семьи для повышения уровня жизни. Успех политики контроля рождаемости упирался в неготовность науки и инфраструктуры. На тот момент не существовало полностью удовлетворительных методов контрацепции, а для их внедрения требовалось не только финансирование, но и преодоление традиционных взглядов населения, а также создание сети медицинских и социальных услуг.

Параллельно в мире происходила глубокая социальная трансформация: урбанизация; изменение структуры труда; проблема развития. В развивающихся странах, где большинство населения оставалось в сельском хозяйстве (50 % в

Латинской Америке, 80 % в Азии и более 80 % в Африке), [5] демографический взрыв и миграция в города создавали социальное напряжение.

Заключение. Социальные факторы сыграли роль катализатора, превратившего временные экономические трудности в хроническую стагнацию. Развитые страны совершили технологический рывок. Развивающиеся страны, напротив, столкнулись с демографическим давлением, слабой системой здравоохранения, разрушающей трудовой потенциал, и образованием, не соответствующим требованиям времени. 1970-е гг. стали периодом, когда социальное неравенство перешло в экономическое, закрепив за странами «Глобального Юга» роль сырьевых придатков и рынков сбыта.

Список литературы

1. Брук С.И. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (Динамика и воспроизводство населения) / С.И. Брук // Советская этнография. – 1976. – №1. – С. 23-38. – URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1976/01/eoarchive_1976_1_023_bruk.pdf (дата обращения: 20.02. 2026).
2. Стрельцов Д.В. Государственная политика Японии в сфере рождаемости / Д.В. Стрельцов // Ежегодник Японии. – 2007. – № 36. –С. 69-82.
 1. Department of Economic and Social Affairs. Population Studies, No. 49. The World Population Situation in 1970. – United Nations. New York, 1971. – 83 p. – URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/documents/2020/Jan/un_1970_the_world_population_situation_in_1970_0.pdf (дата обращения: 17.02. 2026).
3. India Defuses its population Bomb: Fertility falls to two children per women. 2021. – URL: <https://www.science.org/content/article/india-defuses-its-population-bomb-fertility-falls-two-children-woman> (дата обращения: 27.02. 2026).
4. OECD/European Commission (2020), Cities in the World: A New Perspective on Urbanisation, OECD Urban Studies, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/d0efcbda-en> (дата обращения: 27.02. 2026).

5. Population Reference Bureau, Inc., 1975 *World Population Data Sheet* (Washington, D.C., 1975). URL:<https://archive.org/details/worldpopulation100inte/page/6/mode/2up> (дата обращения: 7.02. 2026).
6. Philip H. Coombs. *The World educational crisis: a systems analysis*, Oxford University Press, 1968, 241 p.
7. Shucaï Yang, Quanbao Jiang and Jesús J. SánchezBarricarte *China's Fertility Change: an Analysis with Multiple Measures*. *Population Health Metrics* 20(1), 2022 DOI:[10.1186/s12963-022-00290-7](https://doi.org/10.1186/s12963-022-00290-7) https://www.researchgate.net/publication/359643421_China's_fertility_change_an_analysis_with_multiple_measures
8. Waterlow, Charlotte. *Superpowers and Victims. The Outlook for World Community*. – Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1974. –181 p.
9. World Bank Atlas 1974 : population, per capita product and growth rates (English). World Bank Atlas Washington, D.C.: The World Bank. – URL:<http://documents.worldbank.org/curated/en/936051468741000279> (дата обращения: 21.02. 2026).